



## Облако

— Деда, почему наша станция называется Облако? — спрашивал я у деда и бежал за ним по шпалам.

Дед шел впереди в ярко-оранжевом жилете поверх телогрейки. Мне не хватало полного шага, чтобы идти точно по шпалам. Первый попадает, а следующий уже мимо. Это жутко раздражало. Я не мог понять, зачем шпалы кладут так, что каждый второй шаг мимо. Либо приходится семенить, как дурак, либо прыгать.

Деду, наоборот, было удобно. Он шел размашисто и попадал точно через одну, не прилагая усилий. Он походил на медведя. Огромный и могучий.

— Зимой расскажу, — отвечал дед.

— Почему зимой?

— Так понятнее будет, — говорил дед, не оборачиваясь на меня, и добавлял: — Хватит болтать. Послушай, как поют провода.

Я останавливался и слушал.

Провода вдоль железнодорожного полотна действительно пели. Звук был странным. Похожий на стон рвущейся гитарной струны.

— Деда, о чем поют провода?

— О многом, — отвечал дед, — о расставании, о встрече, о любви, о ненависти — обо всем, что чувствуют люди, едущие в поездах.

Когда песня проводов становилась громче и казалась тревожной, дед брал меня за руку и стаскивал с полотна.

Мы отходили на несколько метров, и я ждал удара ветром от поезда. Мне казалось, что в этот момент я перемещаюсь в другой мир. В такой мир, где есть только ветер, оглушающий свист состава, грохот колесных пар и все, что чувствуют люди. Только без самих людей. Словно в поезде и нет людей. Только их чувства, которые им уже не принадлежат.

Дед всю жизнь проработал на железной дороге. На станции Облако. Дежурным стрелочного поста. Если кто-то называл его стрелочником, это могло стать причиной серьезной драки. Дед ненавидел это слово.

Метрах в двадцати от платформы находилась наша деревня на десять домов. Все, кто жил в Облаке, работали на станции.

Мы с дедом были вдвоем. Я не помнил матери и отца. Всегда был только дед. Он и я.

Два раза в день он брал меня с собой. Мы шли к стрелочному посту. Слушали песни проводов. После стрелочного перевода дед вел меня к заброшенному железнодорожному полотну, находившемуся чуть в стороне.

Мне не нравилась эта дорога. Рельсы здесь были ржавыми. Они не блестели так, как на той, по которой несутся поезда. Здесь не было проводов, а значит, не было их песен. Половина шпал отсутствовала, и полотно походило на старческий беззубый рот. С одной стороны — той, что ближе к лесу — рельсы обрывались.

Здесь тоже был стрелочный пост. Через него можно было перевести поезд на рабочие пути или туда, где рельсы обрывались. Каждый раз дед проверял работоспособность механизма. Если что-то было не так, он говорил мне оставаться на месте, а сам шел домой за солидолом.

Он тщательно смазывал каждый болтик. Проверял, работает ли, и, довольный, смотрел туда, где обрываются рельсы. Потом в другую сторону, словно ждал поезда.

— Дед, зачем ты следишь за этим постом? — спрашивал я. — Здесь же все равно не ходят поезда.

— Не ходят, — отвечал дед, — но последний поезд пройдет именно здесь.

— Что за последний поезд? Расскажи!

— Мой отец, твой прадед, рассказывал, что по этой дороге пойдет последний поезд. Поэтому стрелочный

пост нужно держать исправным. Вовремя сделать перевод, чтобы поезд ушел туда, где кончаются рельсы.

— Почему он последний, поезд этот?

— Потому что на нем можно доехать до счастья, — отвечал дед.

— Счастье — это станция такая?

— Да, наверное, станция, — дед улыбался и гладил меня по голове. — От Облака до Счастья, думаю, пару дней пути.

Дед умер, когда мне исполнилось десять лет. Из города приехала немолодая дряблая женщина с уставшими глазами. Сказала, что она — моя тетка, и забрала в город.

Через двадцать лет в январе, сразу после новогодних праздников, я вернулся на станцию Облако. Зима была крепкой, снежной и скрипучей. Как только вышел из поезда, понял, почему станция называется «Облако». Сопки, между которыми спряталась деревня, засыпало снегом, и казалось, будто это кучевые облака.

С собой из города я захватил солидол. Домой к деду заходить не стал. Да и не был уверен, что дом еще стоит. Мне было нужно на стрелочный пост.

Я шел по путям. Теперь моего шага хватало, чтобы спокойно идти через одну шпалу. Наверное, я уродился в деда. Может, со стороны теперь тоже похож на медведя?

Я дошел до старого полотна и нашел стрелочный пост.

Рычаги не поддавались. Я долго мучился с ними, пока не услышал песню проводов над головой. Это было странно. Над старыми путями не было высоковольтной линии. Песня становилась звонче, и я почувствовал легкий ветерок вдоль путей. Такой бывает, когда состав подходит к станции. Я почувствовал, как задрожали рельсы.

Что было сил навалился на рычаг и перевел стрелку с рабочих путей на те, что обрываются ближе к лесу.

Поезд неся с невероятной скоростью. Я еле успел соскочить с его пути. Когда он пролетал мимо меня, время словно замедлилось и в окне одного из вагонов я увидел деда. Он смотрел на меня и улыбался. Я крикнул что было сил:

— Дед, ты счастлив?

— От Облака до Счастья два дня пути, — услышал я в ответ.

Поезд ухнул в лес, оглушив меня пронзительным свистом, и исчез.

# Холмгород

## Лучший друг мертвецов

Этот город маленький. Сорок минут в поперечнике от Слободы до Пивзавода. В центре городской парк. В парке сгорела церковь. Давно. Стоит без куполов, на стенах мокрая зелень из плесени и грибка. Рядом с церковью тир и танцевальная площадка.

Через весь город прямая, словно туго натянутая веревка, улица Ленина. Слобода — крайняя точка города, дальше граница с Монголией и город Алтанбулаг. В детстве я любил взобраться на сопку и смотреть в сторону этого города. Он иногда проглядывал сквозь облако песка и пыли над монгольской степью. Я представлял живущих там монголов. Свободных, неистовых кочевников, где каждый Чингисхан. Ну или Мамай, на худой конец. В девяностые увидел их на городском рынке. Продавали китайские пуховики, и ни одного Мамайя среди них не разглядел, тем более Чингисхана.

На другом конце города пивоваренный завод, почивший вместе с Советским Союзом, но успевший оставить после себя название района и маленький ла-рек с красным по желтому баннером — «пиво». После Пивзавода много леса. Очень много леса, где по осени полгорода охотится на маслята и рыжики. Других грибов здесь не признают, смело записывая опята и лисички в поганки. Бывает, попадаются толерантные грибники, дающие шанс груздям и подберезовикам, но таких слабохарактерных мало.

В этом городе до сих пор хоронят всем миром. Открывают ворота во двор дома. Рядом с воротами ставят крышку гроба. Приезжает натуральный грузовик. Борты откидывают. Застилают кузов коврами. Ставят стулья, на них гроб с покойником. По бокам скамейки с родственниками. Грузовик едет очень медленно. Процессия движется пешком через весь город к кладбищу. Впереди грузовика все, кто знал покойника. С венками. Кто-то несет портрет. Сзади оркестр. Ну как оркестр, пара мятых труб, большой круглый барабан. Играют похоронный марш.

В городе нет семей, где еще никого не хоронили, поэтому все знают Володю. Володя сошел с ума в двадцать пять лет. Из-за того, что умерла Зина. Володя статный и кудрявый, как каракулевая шапка. Работал в лесничестве. Зина из-за эпилепсии работать не могла. «Падучая она у меня», — говорил о Зине Володя.



Однажды Зина упала в припадке, ударилась головой и умерла. Володя потерялся. Найти его можно было на кладбище. Там он прожил с марта до ноября. Пока совсем не подморозило. Питался тем, что оставляют родственники на могилах, спал в оградке у Зины. Вместо подушки могильный холмик, телогрейка под себя, овчинный тулуп сверху. Вытащить Володю с кладбища оказалось невозможно. Он с удовольствием принимал водку и еду. Но угрожал зарезать, если кто-то пытался забрать его с кладбища. У милиции получилось один раз. Отвезли в больницу, но Володя покусал врача и снова убежал на кладбище. Милиция решила: «Да и хер с тобой».

Когда я в первый раз увидел Володю, прошло уже много лет после Зины. Все, что произошло с Володей, я узнал от бабушки, потому что Володино кладбище и Зина были до моего рождения. Земное притяжение лишило Володю статности и скрючило наподобие вопросительного знака. Как и раньше, кудрявый. Правда, кудри стали грязно-серого цвета, как талый снег по весне. Зимой и летом в валенках и старой драной телогрейке. Очень громко говорит. Постоянно смеется и как-то странно заикается. Не к-к-к-к-к, а ыыуууууууу на гласных.

Детьми мы над ним смеялись. Стреляли в него из рогатки. Володя смешно бегал за нами и кричал:

«Ыыыуууу убьююыууу сыыыууууки». Но мы знали, что он пробежит за нами не больше десяти секунд. Потом встанет, возьмется за голову и забудет, куда бежал.

На самом деле мы боялись Володи. Из-за мертвецов и собак. Его так и звали в городе — лучший друг мертвецов и собак. Собак не так давно стали уничтожать в городах, да и то исключительно в больших и разрастающихся. В маленьких и умирающих собаки по-прежнему составляют тридцать процентов населения. Еще тридцать — кошки и воробьи. Все бродячие собаки города любили Володю. Когда он бродил в поисках бутылок, за ним всегда следовала приличная стая бродячих псов. Всех мастей. Некоторые очень похожи на Володю — скрюченные и кудрявые. Может, оттого, что он умел разговаривать на их языке из-за этого своего — ыыыууу.

Раньше в маленьких городах была жуткая традиция — фотографировать похороны. Страшнейшее из искусств. Фотографировали процессию, гроб, покойника, могилу. В том городе на многих фотографиях был Володя. Вот он вместе с родственниками опускает на веревках гроб. Вот он на поминках. Вот он несет вместо венка лохматую еловую лапу. На похороны Володя ходил с такой же аккуратностью, как в Москве ходят на работу в офис. На все похороны. Всех людей в городе. Если вы встретили на улице Володю, за которым повизгивает

и машет куцыми хвостами свора бродячих собак — значит, кто-то в Холмгороде умер.

Прогонять, как известно, с похорон и поминок нельзя. Любой человек может зайти и помянуть. Володя и ходил. Каждый день был сыт и пьян. Если бы он посещал только мероприятия по случаю рождения — очень скоро умер бы от голода. Умирать в Холмгороде привыкли ежедневно, а рождаться больше по праздникам или случайно. Поэтому за Володю можно было не беспокоиться. Он питался на поминках, забирал объедки для своих собак, но и помогал родственникам покойника. Там, где родственников оказывалось мало, Володя оказывался настоящим спасителем. Погрузить из морга. Опустить в могилу. Землей присыпать.

Я стал взрослым. Володя постарел. Сумасшествия в нем осталось мало, а глаза стали такими, что в них не хочется смотреть. От постоянного вида смерти в них накопилось слишком много жизни. Смотреть в такие глаза невыносимо, особенно, когда знаешь, откуда взялась эта глубина.

Володя знал все ключевые даты: девять дней, сорок дней, полгода, год. Он помнил все похороны и каждого покойника. Часто родственники злились на него. За то, что приходит. Ест руками, пьет ведрами, говорить нормально не может, только — ыыыуууу.

А потом Володя умер.

Упал на улице и умер. Первый же прохожий узнал Володю и остановил на дороге машину.

— Володя умер, — сказал прохожий водителю.

— Как это умер? — удивился водитель и сразу понял, о каком Володе речь.

Водитель выскочил из машины, погрузил Володю и отвез в морг.

— Мне их уже класть некуда, — разозлился на водителя дежурный врач.

— Это Володя, — спокойно сказал водитель.

Володю пустили. Скоро к моргу стали приходить люди и собаки. Начальник местной милиции купил Володе дорожный гроб. Самый дорогой из всех, что были. Начальник кладбища выделил под могилу лучшее место. На холмике.

— Для себя берег, — признался кладбищенский начальник.

Директор Дома культуры отправил на похороны полноценный оркестр, из воинской части приехал грузовик.

Это были самые шикарные похороны в истории города. Процессия тянулась через всю улицу Ленина. Чуть ли не от Пивзавода до Слободы. Замыкали шествие бродячие собаки. Город плакал, а Володя лежал в гробу, и казалось — улыбается. Хоронить на холмике не стали. Закопали рядом с Зиной.

Ночью на кладбище выли собаки, а перепуганный кладбищенский сторож уверял наутро, что слышал смех и длинное «ыыыыыыуууууууу».

Не поверили. Не стал бы шуметь на кладбище лучший друг мертвецов.

## Мотылек

Вряд ли в Холмгороде есть хоть один человек, понимающий, почему Холмгород зовется городом. Город — это что-то шумящее, большое и бессмысленное. В Холмгороде, казалось, даже машины передвигаются бесшумно, боясь нарушить покой его жителей. Та его часть, что могла называться городом — школы, детские сады, мэрия, Дом культуры, спортивная школа, краеведческий музей, городской парк, — все это словно кто-то сначала скомкал в руках, а затем бросил между двумя холмами. И оно как-то там рассыпалось, улеглось, притерлось, вросло в землю и теперь существует. Остальная часть Холмгорода — настоящая и живая — ютилась на этих двух холмах в деревенских домах. В большинстве старые и уставшие, они медленно сползают вниз и скоро повалятся туда, к городу, будто детские кубики.

В Холмгороде ходит легенда, что когда-то здесь была чуть ли не судоходная река, а потом куда-то де-

лась. Сейчас здесь есть речка Грязнуха. Грязный мутный ручеек на дне оврага, но ручеек начинался за городом и исчезал тоже за пределами города, поэтому до сих пор носил гордое имя — речка. Называть Грязнуху рекой все же никто не осмеливался. Тех, кто жил на другом берегу Грязнухи, называли зареченскими, а сам район «за речкой». За речкой толпились самые старые дома в городе. За речкой жил Мотылек.

В основном соседи не любили Мотылька. Для людей естественно не любить то, чего они боятся, или то, чего не понимают. Мотылька и понять невозможно, и для того чтобы бояться, вполне хватало оснований.

Мотыльком назвал его я. Для себя. Большинство соседей или прохожих, встречающих Мотылька, называли его дебилом или дураком.

Чем он болел и зачем ловил в воздухе руками только ему видимых существ, не знаю. Мне почему-то представлялось, что ловил он мотыльков. Не может человек, выглядящий на все сорок, но остановившийся в развитии на уровне пяти лет, ловить в воздухе что-то некрасивое или плохое. А мотыльки ведь красивые и неплохие? Они почти бабочки, которые от горя потеряли весь цвет.

Он всегда гулял с мамой. Усохшая, худенькая старушка с глубокими бороздами морщин и глазами, в которых, если присмотреться, можно увидеть саму

сущность жизни, прожитой в вечной борьбе за выживание, и не всегда свое выживание.

Мотылек агрессивен, насколько может быть агрессивным шестилетний ребенок. Вот с дерева полетел осенний листок, и он сломя голову бежит за ним, не замечая никого вокруг. Прохожие видят только сорокалетнего бородатого мужика, который, дико вращая глазами, несется по тротуару, кричит от восторга и пытается поймать листок. Старушка извиняется за него, берет за руку, но каждые десять метров мир снова преподносит Мотыльку что-то удивительное и необычное: лужа на асфальте, сработавшая сигнализация у припаркованной машины, человек в слишком яркой одежде или мотыльки, никому не видимые мотыльки.

Из года в год я наблюдал, как старушка становится тоньше и невесомее, как ее все больше сгибает реальность. И даже Грязнуха стала для нее непростым препятствием, если нужно было попасть в другую часть Холмгорода. Если я встречался с ней глазами, в них читалось одно: «Что с ним будет, когда я умру?»

На моей памяти только один раз Грязнуха напомнила жителям Холмгорода, что она река. В тот год была необычайно снежная зима, а весна прогнала холод за неделю. Грязнуха проснулась и забурлила, жадно глотая тающий снег. В некоторых местах Грязнуха поднялась так, что взрослому человеку была по горло. Той вес-

ной умерла мать Мотылька. Возле Грязнухи. Пыталась перейти речку по бревнам, что набросали мужики для переправы. Быстро умерла. Охнула, схватилась за сердце и села на землю.

Я был там в тот день. Видел участкового, машину скорой помощи и дремлющего головой на руле водителя. Еще я заметил маленькие, почти детские ноги, в смешных стоптанных черных тапочках, торчавшие из-под простыни на носилках, и понял, что мама Мотылька умерла. Мотылек стоял на коленях в луже растаившего снега, смеялся и махал в воздухе руками.

Наверное, даже хорошо, что он никогда не поймет, что произошло. А может, я просто утешаю себя мыслью, что он ничего не понял. Потому что как только я начинаю об этом думать, мне сразу хочется замахать руками и отогнать назойливых мотыльков.

## **Ночь в Холмгороде**

Никто не видел закатов или рассветов в Холмгороде. Здесь ночь наступает мгновенно. Словно в комнате выключили свет. Поэтому фонари вдоль улицы Ленина включают за час до того, как ночь обвалится на город. Если смотреть с одного из двух холмов, кажется, будто внизу не подсвеченная фонарями улица, а оранжевая,



даже апельсинового цвета, река. Я для себя решил, что это ночное воплощение речки Грязнухи.

Несмотря на вялое течение жизни, со стороны больше похожее на медленную смерть от старости, однажды Холмгород вздрогнул. Площадь Ленина, куда впадает и откуда вытекает улица Ленина, наполнилась людьми. Кто-то даже принес красный флаг с серпом и молотом, где черным кто-то написал «Не трогайте наш свет». Людей было много. Они стояли молча. Только этот флаг развевался на ветру.

Мэр Холмгорода по прозвищу Сторож вышел на крыльцо здания мэрии и молча смотрел на толпу. Толпа молча смотрела на Сторожа. Это был самый неистовый митинг, который я когда-либо видел. В нем было столько силы и страсти, что, казалось, если вопрос не решится, завтра начнется революция. На площади было так тихо, что можно было услышать, как ветер щелкает на кончиках крыльев ласточек, низко закладывающих виражи из-за близости дождя.

Сторожем мэра прозвали потому, что, как только на Холмгород падала ночь, он отправлялся сторожить городское кладбище. Только там можно было попасть к мэру на прием и только ночью. Днем он отсыпался у себя в кабинете в мэрии. К Сторожу мало кто любил ходить. Мэр не только сторожил кладбище по ночам, но и копал могилы для тех, кого принесут сюда завтра.

Просителям приходилось брать лопату и помогать. Такой труд оставляет в голове мало места для вопросов, и в большинстве случаев желающие попасть на прием уходили ни с чем, так и не задав ни одного вопроса.

Появление мэра на митинге значило только одно: молчание толпы было настолько оглушительным, что уснуть у себя в кабинете Сторожу не удалось. Он понял: есть слишком серьезная причина для такого страшного молчания людей на площади. И причина действительно была. Кто-то умный и большой, может быть губернатор, решил заменить в фонарях на улице Ленина старые лампы на энергосберегающие с ядовитым белым светом. И больше не будет ночного воплощения Грязнухи. Не будет по ночам апельсиновой реки. Еще и включаться они будут автоматически, по мере наступления темноты, а у ночи в Холмгороде нет меры: безмерна ночь в Холмгороде и мгновенна.

Люди смотрели на Сторожа, Сторож смотрел на людей. Ласточки. Флаг. Тишина. Помолчали, разошлись.

Ближе к ночи я шел по улице Ленина в сторону Слободы. От Слободы налево, по тропинке вверх, и можно попасть на городское кладбище. Три дня назад похоронили Володю, а завтра будут хоронить маму Мотылька. Мне хотелось помочь Сторожу с могилкой и узнать, правда ли по ночам на кладбище можно услышать Володино ыыыуууу.

Фонари на улице горели заранее. Значит, жители не зря вышли на митинг. Ночь поймала меня уже у Слободы. Было так приятно понимать, что сейчас, если подняться на один из холмов, там, где я иду, будет апельсиновая река. Я люблю ночь в Холмгороде. Люблю отсутствие закатов и рассветов.

## Сторож

Раньше в Холмгороде было два кладбища. Но старое пустили под бульдозер, и на его месте построили стадион. Не знаю, что помешало вывезти старинные надгробные камни, но теперь они валялись тут же, недалеко от беговой дорожки, опоясывающей футбольное поле.

Когда я учился в школе, уроки физкультуры в теплое время года проводили здесь, на стадионе. С другом Витькой мы любили улизнуть с беговой дорожки на дальней дуге и спрятаться за сваленные в кучу надгробные камни. Даже в жару среди них было прохладно и сыро. Мы читали имена и фамилии на камнях, покрытых склизким зеленым грибком, пытались посчитать, сколько лет назад родился и умер человек, но настолько далекие года, где вместо привычной девятки после единицы стоит восьмерка, не поддавались исчислению. От этого становилось жутко и холодно.

## СОДЕРЖАНИЕ

Облако . . . . .	5
Холмгород . . . . .	10
Лучший друг мертвецов . . . . .	10
Мотылек . . . . .	16
Ночь в Холмгороде . . . . .	19
Сторож . . . . .	22
Монолог на Пивзаводе . . . . .	26
Актриса . . . . .	33
Ювелир . . . . .	37
Поезд . . . . .	40
Сиреневый ворон . . . . .	48
Убийца птиц . . . . .	48
Собиратель красоты . . . . .	61
Суперагент . . . . .	68
Бар . . . . .	77
Дом . . . . .	89
LoLa . . . . .	94
Я — любовь . . . . .	101
Вода . . . . .	108
Отражение . . . . .	116

Технополис . . . . .	123
Невидимое солнце . . . . .	133
Синдром беспокойных ног . . . . .	139
Эмма . . . . .	146
Кузьмич, Лялька и столетняя деревня . . . . .	217
Предчувствие . . . . .	217
Никого не осталось . . . . .	219
Самогон . . . . .	222
Психолог . . . . .	223
Молоко и мед . . . . .	225
Мячик . . . . .	227
Китаец . . . . .	229
Дзен . . . . .	231
Порно . . . . .	232
Погремуха . . . . .	234
Пинг-понг . . . . .	236
Жало . . . . .	238
Агностики . . . . .	240
Врач . . . . .	243
Заранее . . . . .	245
Пятое через шестое . . . . .	247
Монпансье . . . . .	248
Стена . . . . .	254
Летуны . . . . .	256
Бульвар рядом с улицей Гоголя . . . . .	257

В своих рассказах Герман Канабеев описывает Россию как страну, населенную ментами и колдунами, буддистами и алкоголиками, коучами и порноактрисами.

Страну, в которой грусть, радость, одиночество и близость — одни и те же, что на заброшенном полустанке, что на просторах рунета. Любой читатель знает эту Россию. И узнавая ее на каждой странице, будет смеяться сквозь слезы.

[www.gorodets.ru](http://www.gorodets.ru)

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ

ГОРОДЕЦ

ISBN 978-5-907220-90-4



9 785907 220904